

Игорь Митюшин, Виктор Живов

ПРОШЛОЕ И НАСЛЕДИЕ

Вчера и завтра

Игорь Юрьевич Митюшин
Виктор Игоревич Живов
Прошлое и наследие.
Вчера и завтра
Серия «Библиотека классической
и современной прозы»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63551732

*Прошлое и наследие. Вчера и завтра: Общественная ассоциация
молодых музыкантов, поэтов и прозаиков; Москва; 2020
ISBN 978-5-907379-04-6*

Аннотация

Прошлое уходит безвозвратно. Вместе с ним уходят и дорогие люди. Они уже никогда не войдут в нашу дверь, не повесят куртку на крючок знакомым до боли движением, не сядут за стол, порой угрюмые, но самые любимые. Именно поэтому, возможно, мы так бережно храним те крупицы, что связывают нас с давно ушедшими днями. Каждое воспоминание навсегда остаётся в сердце, каждая вещь занимает почетное место в доме только потому, что дорогой человек когда-то держал её в руках. Именно тогда особую ценность представляют письма

– молчаливые свидетели того времени, которое никогда уже не повторится...

Содержание

Введение	6
Часть первая. Письма из прошлого	9
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Игорь Митюшин,
Виктор Живов
Прошлое и наследие.
Вчера и завтра**

© Игорь Митюшин, Виктор Живов, 2020

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2020

Введение

Есть история страны, народа, и есть история семьи, отдельной судьбы с ее традициями, наследованием, генетикой души и тела. Она с ее страстями, трагедиями есть составная часть истории, ее дух и будущее. Более того, именно отдельные судьбы и «делают» историю, меняют ее.

Письма из прошлого... Что это? Какую ценность они несут, представляют для кого-то?

Письма – это, прежде всего, язык, дискурс, стиль, даже походка человека. Это то, что формирует генетика, наследственность и социальная среда. Это то, что живет, пульсирует, это эстетика мира и отдельного человека.

Это то, что передается от поколения к поколению и не исчезает.

Кто сегодня оказался в тупике, кто ищет ключ к пониманию сегодняшних трудностей, проблем – обратитесь к прошлому своей семьи и... вы обнаружите неожиданные вещи, дискурсы, которые откроют не только истоки, но и то, что может ожидать каждого из нас впереди, «за поворотом», за дверью, завтра и послезавтра.

Ведь ничто не уходит. Все – в нас. Языковой дискурс – это и физическое тело человека, его особенности движения, его повадки и манеры, умение ходить, перемещаться, разгуживать и пробиваться.

Язык – инструмент универсальной человеческой ориентации. С языком связана манера держаться, поступь человека, его темперамент. Вырастая, входя в сферу общественных связей, индивид сознательно, а чаще безотчетно, муштрует и выпрямляет себя по авторитетным для него и желанным социальным лекалам. Так лепится индивидуальный скульптурный образ, узнаваемый издали. «Я милого узнаю по походке...»

Походка есть один из элементов языка тела, это динамичная форма телесного красноречия и разновидность демонстрационных личностных тактик.

Дискурс – это укрепляющаяся по мере развертывания человеческой биографии речевая система, порождаемая уникальными жизненными обстоятельствами, в которых данный субъект рождается и набирает жизненный опыт.

Итак, дискурс органически прирожден. А стиль привит, сознательно, он культивируется. Дискурс же – вещь разношенная, в дискурсе человек ведет себя естественно и – проговаривается, он обнаруживает суть, свой внутренний мир. Как бы человек ни маскировался, дискурс выдаст человека с головой. От него не сбежишь и не спрячешься¹.

В то же время человек в своем индивидуальном дискурсе опирается на опыт освоения культурного пространства, в котором ему выпало родиться, жить и взрослеть.

В книге показано зарождение новой семьи, переживания

¹ Виноградский В. Язык доводящий. «Новый мир», 2016, № 6.

будущих родителей, которые неизбежно транслируются в судьбу их отпрыска. Впереди будет много сходства в армейских испытаниях отца и сына... И в то же время много своеобразия.

О времени и истории в дальнейшем будет писать СЫН главного героя (*Митюшина Игоря*) – **Живов Виктор**. Он обращается к жанру *мифологии* – древнему и, как ни удивительно, вполне востребованному сегодня. Ибо этот жанр способен расшифровать не только прошедшее, но и будущее.

И. Панаева

Часть первая. Письма из прошлого

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают...
Крепко тесное объятье.
Время – кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас – его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.*

А. Кушнер

Здесь представлены личные письма более чем полувековой давности. Они принадлежали двум любящим людям. И одновременно они принадлежат эпохе, которая дала жизнь следующему поколению и была впитана на генетическом уровне этим новым поколением.

Письмо из Хабаровска. 27.10.62

Иринка, я, наверное, так и не допишу то большое и хорошее письмо.

Естественно, что могу и не дожидаться тебя, но мне этого не хочется. Начало и серединку письма ты прочтешь, когда приедешь и поймешь, что я тебя очень люблю, и что больше всех уважаю, и что мне очень тебя недостает, что

когда я готовлюсь, когда на переменах, когда дома – всегда нет тебя, и я «с грустью констатирую», что я один, что нет родного человека, который бы мне мешал, помогал и вообще приставал с разными глупостями.

Милая, если раньше я любил немного угловатую и прелесть-непосредственную девочку, то сейчас я люблю зрелую, благородную и нежную Иринку. Очень ждущу ее и волнуюсь! Иринка, я ведь такой же хороший парень, так что ты не бойся и лети, милый.

Между нами: я не очень хороший, есть там всякие недостатки – мелкие, конечно, но под твоим влиянием беру обязательство их исправить. И вообще, мне очень грустно без тебя, особенно по вечерам, когда я начинаю вспоминать, как мы будем с тобой шляться по Амурам, будем купаться в открытом бассейне «в снег и ветер», только в шапочках и куп-костюмах, как ты будешь вечером сплетничать о комплиментах, которые тебе кто-то отпустил и т. д., чтобы я тебя крепче любил. Но ведь тебя нет рядом, и я с грустью засыпаю тяжелым сном.

Иринка, я думаю, что я написал красиво и слезно, что ты меня пожалеешь и очень скоро приедешь. Очень точно, что это будет к «Октябрю». Здесь будет интересно, наверное, так как здесь были «Волочаевские дни», и мне уже сейчас грустно слушать передачи «Этих дней не смолкнет слава». Хотя эта великолепная фраза померкла от частого употребления, но с тобой зазвучит снова! Глупо и рито-

рично?! Но такое настроение. Город тебе понравится, в нем не устанешь, все будет ново, с новыми оттенками, и вовсе не грех, а даже заслуга и польза – побывать в приморском крае, где тебя любят, ждуют, целуют!

Милый, пока. Жду телеграмму, чтоб встречать. Если нужны деньги, сообщи. Очень жду, очень целую.

Твой – (подпись).

9.11.62

Дорогой мой. Конечно, я приеду.

Юра, я собираюсь и сразу после праздника еду к тебе. Или лечу. Еще чуть-чуть, и мы будем вместе. Жди меня, пожалуйста.

10.11.1962.

Юрочка, что с тобой! Жив ли после вашей снежной катастрофы? Пиши мне ради Бога. А то я буду думать, что ты где-нибудь страдаешь жертвой сурового климата или чьей-нибудь суровой любви.

Помни, пожалуйста, что есть человек, который о тебе думает и заботится. И хочешь ты этого или не хочешь, ты должен писать, чтобы не доставлять ему волнений. Если бы ты меня очень любил, я давно бы была уже в Хабаровске, но ты молчишь, а меня тем временем все больше затягива-

ют учебные будни и куча всяких других дел (хоть я ничего и не делаю целыми днями).

Юра, погибла Надя Катаева-альпинистка, которую ты, может быть, помнишь (она была тогда в Новый год). Только что с отличием закончила она УПИ и уехала в Алма-Ату. Там, в горах, соединились в ужасный узел большая физическая нагрузка, плюс умственное переутомление последних дней учебы, плюс сильнейшая душевная травма и в результате – внезапное кровоизлияние в мозг и смерть.

Удивительная цельность и духовная сила, смелый ум, широта увлечений и редкая целеустремленность – вот кто она была.

Вот уже третий месяц меня преследует ее смерть. Как страшно умереть, не успев еще так много. Мне страшно. Начинает охватывать лихорадка деятельности, которую парализуют чувства.

И.

Бракосочетание Митюшина Юрия и Ирины состоялось в декабре 1962 г. в Хабаровске среди друзей, преподавателей Хабаровского политехнического института.

Письма жене после ее отъезда из Хабаровска по случаю ее беременности и необходимости сдавать сессию в Университете (на вечернем искусствоведческом отделении).

31.03.1963.

Иринушка, милая, здравствуй. Второй раз собираюсь написать за сегодня и второй раз написал «шапку». Я бы написал ее еще раз сто, но, думаю, что письмо тогда будет не очень-то содержательным.

Сейчас я пишу, напротив сидят и готовятся студентки, но ты лучше их и любимей. Как ты догадалась, я в Спасске, принимаю экзамены. Встретили меня хорошо, на машине, отвезли в гостиницу (машина «Москвич» старой марки, вся трясется и с секретами заводится). Отметили командировку, накормили в ресторане, и я отдохнул в заказанном одночеловечном номере. Комнатка моя маленькая, уютненькая, но тебя нет, и я немного скучал.

Спасск – город древний, и новая жизнь здесь только прорастает. Воздух свежий, петухи утром поют. А ко мне никто не пристаёт, что дай мне чай в постель, сделай зарядку и т. д. Поэтому я пошел гулять по городу. Слева и справа – одинаковые одноэтажные домишки, и я сразу подумал о том, как бы мы жили здесь с тобой и чем бы занимались. Ты бы утром гоняла гусей, доила корову и крикливым голосом нежила козлят и собачонков, а я бы рубил лодку топором. Было бы лучше, и ты бы у меня была здоровой, и не стыдился бы я говорить, какого роста у меня парень, а то ведь прямо безобразие. Скажи кому-нибудь, что 17 см., засмеют, да и только.

Единственное, что здесь хорошо, – центральные улицы зацементированы, так как здесь цементно-шиферный завод. Город на ровном месте, но вокруг, с трех сторон – сопки и тайга уссурийская. Жаль, что нет ружья и времени, может быть, я бы тебе шкуру тигриную привез. Шкуры, наверное, не будет, а вот «Постимпрессионизм» – того, кто написал «Историю импрессионизма», – кажется, куплю тебе, голуба ты моя дорогая.

Представляю, как мама и Лелька вокруг тебя хлопочут. Ты им – это ведь я, только потолще. Напиши подробнее о своем пребывании у нас (имеется ввиду Златоуст).

Завтра принимаю у остальных двоечников и ночью поеду в Хабаровск. Очень скучаю по твоим письмам и, наверное, получу дома что-нибудь от тебя. В гостинице работает радио, хорошо, а тебя нет со мной.

Здесь очень хорошо, наверное, летом, среди зелени. Мы с тобой как-нибудь пошляемся по тайге, правда? Только ты расти наши сантиметры нормально, не расстраивайся, не беспокойся, не суетись жизнью, будь серьезней, спокойней и больше аристократизма; у тебя муж – инженер-механик. Мне бы было очень приятно, если бы ты задала тон в университете и потянула народ к работе. Это было бы и тебе здорово, и вокруг тебя. Только не попадай под общую марочку и не расхлябывайся наравне со всеми, учти, у тебя на руках муж и дите, относись к своим хозяйкиным обязанно-

стям посерьезнее, не тринди...

А я тебя люблю больше, чем всех окружающих. И привет твоим родителям. Будь здорова. Целую дитя.

Ваш муж Юрий.

Письмо от жены. 1.04.63

Юрушка, родной мой. Сейчас я в Златоусте. 1-го апреля еду в поезде до Челябинска, надеюсь пересесть там на самолет до Свердловска. Любимый, хочется тебе писать, но дико качает вагон. Мне бесконечно грустно, Юра, и бесконечно хочется плакать. Только неудобно всегда, кругом люди. Юра, чувствую, что сейчас расплачусь от бесконечной нежности к тебе и от того, что еще существует смерть на земле. Родной, вот у меня и сердце заболело. Потом бы дописать, да хочется сейчас. Я ведь пессимистка от природы, и мне страшно нужен ты, мой добрый оптимист, нужен ты – мой Бог. Без тебя все краски мрачны. Ой, не могу. Потом допишу.

2.04.63. В Свердловске.

Сегодня приехала поездом. Твои письма. Дорогой мой, в Златоусте мне было очень хорошо. Кажется, все были рады. Ночевала ночь у мамы, вторую – у Лели. Стряпали, кормили меня и поили (молоком) без передышки. Смотрела ва-

шу стайку, завод, твои подарки Леле, перерыла все твои книжки, перечитала все дневники, блокнотики, письма. Ты уж прости, любимый. Но я только больше тебя люблю. Хоть мне и страшно почему-то. Все дни были наполнены твоими фотографиями и разговорами о тебе, да еще о твоём будущем мистере «Х» (имеется ввиду будущий ребенок). Столько было твоего прошлого, до моего, что мне теперь просто страшно – мой ли ты вообще.

Вот и опять плачу. Все это заслонило тебя сегодняшнего, реального, моего. Было очень трудно представить тебя в тех стенах. Для меня ты в нашей комнате, в общежитии был верхом счастья. А теперь оказывается, что ты столько жил без меня, и тебе было хорошо, и не думал обо мне вовсе даже когда мы были уже знакомы, и был лучше, чем со мной, и никогда меня не любил, не ждал. Все – случайность, пришедшая вдруг, никому не нужная взрослость. Я и теперь уверена, что свою Леночку ты любил больше и лучше и никогда не будешь любить меня так, как ее.

Господи, не подумай, что ревность или еще что-нибудь. Просто я тебя очень люблю, больше, чем ты (если ты любишь). И еще: мне жутко вспоминать, как ты со мной не разговаривал тогда три дня. Ты был справедлив, но я бы так не смогла. Ты не любишь, наверное, Юрочка. Напиши мне.

Почему ты не написал о своей неудаче? Я хоть и глупая,

по твоим словам, но постараюсь понять, в чем дело. Как ты выполняешь свои проценты и получаешь ли за них что-нибудь? Как ты ешь и мерзнешь? Мне кажется, что тебе очень легко заболеть без меня, этого я не вынесу.

Не грусти. Не мучь себя ничем. (В крайнем случае я ведь тебе все разрешила).

О моей фигуре можешь не волноваться, она с каждым днем становится все «краше». И никому нет охоты ее показывать, даже тебе.

Роднушечка мой, я, видимо, буду работать, почти договорилась. И учиться, конечно. Все будет хорошо. Не беспокойся. Все успею. Пиши только мне почаще, молю.

Юрочка, твоя мама очень хотела бы иметь такую «дуделку» для стирки, как у нас с тобой. Ты ей вышили нашу, если не сможешь купить. Я пошлю им фруктов из Свердловска. Здоровье твоей мамы лучше. Она очень живая и бодрая внешне, и Леля тоже. Я и не знала, что они такие маленькие.

А ты, дорогой, вырос среди таких красивых гор. Горное мое дитя. Любимое.

Приходил отец твоего Толика, тебе от него привет, хочет, чтобы вы все встретились и устроили свадьбу Толику.

Ходили с Лелей в кино. Пока все. Только и думаю о тебе и целую тебя всего, чистенького. Прости уж. Твоя.

Всем по привету, всех люблю, но тебя больше.

3.04.63.

Дорогой, ты, наверное, уже в Спасске. И мне уже трудно, потому что не могу представить тебя в знакомой обстановке. Сегодня видела очень тяжёлый сон о тебе. Проснулась в страхе. Я тебя очень люблю и, конечно, ничего тебе там не позволяю. Думай, пожалуйста, только обо мне и любви только меня. Посещение Златоуста как прекрасный сон. Мне очень понравились твои родители и Леля. Что-то они напишут обо мне. Люблю тебя страшно. Привезла твои фотографии и постоянно на них глазею. Пока, любимый. Целую нежно. Твоя супруга.

Р. S. Как с аспирантурой? В Москву было бы хорошо. Но если у тебя не получится, то мы с тобой съездим туда летом обязательно, хоть ненадолго. По письмам своей сестры я чувствую, как тамошняя обстановка сама по себе сказывается благотворно на человеке. (Сестра Людмила поступила в московский институт).

Ц. И.

04.1963. От мужа.

Милый мой! Очень, очень стало скучно! Все давно хотел написать, но никак не мог сесть. Сначала было еще хорошо, но сегодня очень грустно, еще грустнее.

У Светы и Боба дела хорошо. А у меня подходит срок отчета. Сегодня первая неудача была, но все это ерунда, т. к. завтра еду в Спасск.

Я очень соскучился по тебе. Было бы здорово, ели ты была бы рядом. Я бы не был злой, усталый. Но если ты уехала из-за того, что тебе хотелось показаться кому-то еще в форме, то мне было бы очень тяжело оправдать тебя. Но я вижу, что это нужно. Главное – давай учи и двигай. Хотя тебя напечатали, но все это ерунда, так как ты у меня глупенькая.

Милочка! До свиданья. Привет папе и маме, чтобы они были здоровы. Целую тебя.

6–7 апреля 1963.

Милая моя девочка! Сегодня две недели, а мне кажется, что уже столько времени, как ты уехала, а еще сколько ждать... Хорошо, что я вижу тебя повсюду в нашей комнате, куда только не сунусь, что только ни возьму в руки и захочу взять, во всем ты, в книжках, в бумагах, в беспорядке на столе – во всем, во всем, милая моя, любименькая. Хочется все время писать тебе, но не очень много времени. Сегодня собирались в Институте с Сапожниковым по поводу процентов. Кажется, к 15-му выдадим 1-й этап, только еще придется поработать немного, точнее – целую неделю. Пришел домой, голова трещит, лег – снова ты. Парни при-

ходят и – про тебя. Моем косточки. Я им выдержки прочитал, где ты о них говоришь и где мама о тебе. И сидим мы после чая с Бобом на койке, а Света ноги на нас, и вспоминаем тебя.

Милая моя, как еще долго тебе ждать, но ты мужайся, главное – учись. Прошу тебя, не устраивайся на работу, зачем это тебе. Ни в коем случае. Я буду тебе высылать немного денег с того месяца, а ты лучше сдай хвосты. Учись, миленькая, сделай мне подарочек, встречу меня без хвостов. А работа отнимет много времени и сил. Иршенька, миленькая, береги себя. («Хвосты» – долги по экзаменам и зачетам остались с зимней сессии, которую пришлось пропустить из-за отъезда в Хабаровск. Хотела перейти на заочное, но наш отец-основатель искусствоведческого отделения на Урале Павловский Б. В. не согласился, отпустил со словами «как сложится, приедешь-сдашь»).

Вербы твои все еще стоят на столе, и мне опять напоминают, как ты хлопотала вокруг и вообще моим солнышком была. Сейчас работаю... и вдруг ловлю себя, что открыл рот и мечтаю по-глупому, как мы с тобой будем летом отдыхать.

И в таком состоянии я, конечно, ни в какие кавалеры не гожусь, и вообще еще не смотрел ни на одну женщину, и не вижу даже потребности... И пусть тебя не волнует ничто, я ведь не «хлыст» и не подонок циничный. Я тебя люблю... Голуба моя, ты мне все, и я все тебе несу, что смог взять

в мире хорошего.

Ты мне ближе всех, родная моя, потому что ты не с другой планеты, а мой живой и близкий душой (родной душой) букварик.

Посылаю тебе письмо моих старушек. Можешь узнать, как они о тебе думают. Иринушка, посылаю твою рецензию (в газете «Молодой дальневосточник»), у меня их еще штук 5. Если нужно, черкни.

Миленькая, а ты плохо читала мои книжки, там обязательно про тебя есть. А сейчас я тебя люблю больше всех на свете. Но я немного старше тебя (на три года) и видел больше, и, если я такой, то только потому, что люди на меня повлияли. Я больше давал, чем брал, и всегда был на расстоянии, боялся связать себя и сделать низко. Ведь я немного консервативный и, может, это не модно, но прожил с чистотой внутри. Поэтому я, миленькая, буду со всей строгостью закона блюсти супружескую верность. Если я люблю, то ты одна мне нужна, одна моя милая, самая-самая любимая. А на разлюблю намеков нет, так что ты спи спокойно и помни, что ты сама держишь в руках нашу любовь.

Дела у меня – во! Только по тебе скучаю. Прочитал ½ «Анти-Дюринга», страсть как интересно. Пиши мне, не забывай. Больше учись. Брось работу, береги силы, время. Пожалуйста, пиши мне. Целую тебя много раз, мою любимую дорогую жену. Привет твоим маме и папе.

Наистрожайший супруг твой.

7.04.63. От жены.

Дорогушечка мой, я очень тебя люблю. И скучаю тоже, и каждое утро целую тебя на фотокарточке.

И заниматься еще не могу по-настоящему. Единственное, что у меня получается регулярно, – это перевод с французского по страничке в день. Нашего Павловского все-таки забирают в Москву по воле каких-то парт. органов, и теперь даже страшно, что без него будет. Он – наш Бог, и ему мы обязаны всем нашим мизерным образованием.

Юрочка, хоть я и стала ужасным сибаритом, но ты не бойся. Физическая тяжесть подавляет меня и духовно. И эта премокрая весна, от которой только голова болит.

Любимый мой, написала письмо твоим родителям, уж очень они меня за свою приняли и плакали при провозжании. До сих пор ем печенюшки, испеченные твоей мамой.

Получил ли ты бандерольку? А Агнесса поручала мне купить кофточку, так я послала деньги в Москву, Люда купит и вышлет тебе. Здесь-то нет ничего.

Люблю тебя одного и очень. Не печалься. Выполняй все мои наказы. Обнимаю тебя крепко и целую. Ира.

P. S. Не очень иронизируй над письмом моих родителей. Папа долго думал, как назвать тебя и себя. Я им тут все уши прожужжала. Юрочка, они очень хотят тебя видеть, мое настроение передается им.

Прилагается письмо родителей Ирины.
От отца – Наума Зиновьевича.

Здравствуйте, Юрий Павлович! Пользуясь случаем, шлем Вам наш уральский родительский привет.

Вот уже две недели Иринка снова в Свердловске, приобщается к занятиям, но мыслями живет в Хабаровске и скучает в вашей временной разлуке.

Мы очень благодарны Вашим родителям за их теплую встречу и внимание, оказанное Иринке, и будем рады, если им представится возможность побывать у нас в гостях.

Дома у нас тихо и спокойно. Иринка себя чувствует удовлетворительно. К первомайским дням ожидаем встречу с нашей москвичкой Людмилой.

Пишите о Вашем здоровье, успехах в работе и учебе, о перспективах отпуска. Ирочка и мы, родители, ждем скорейшей встречи с Вами.

Будьте здоровы – Наум Зиновьевич.

От мамы – Анны Ивановны.

Юрочка, Иринка хандрит и ни на минуту не забывает свой дом в Хабаровске. Занимается мало и слабо. Чувствует себя лучше, но работоспособности еще нет.

Пишите чаще. Анна Ивановна.

14.04.63. От жены.

Любушка мой, хороший мой муж. Я очень скучаю по твоим словам...

Вчера ходила на Образцова. Он уже тут давно. Оформление у него на высоком техническом уровне. А свердловчане принимают средне.

Пиши о своих делах подробней, Юрочка. Набирайся сил, энергии, ведь летом тебе тяжело со мной придется.

Еще была на вечере наших поэтов, того Дагурова, которому Лужники рукоплескали. Он рассказывал кое-что интересное об Окуджаве, о том, что тому много песен просто приписывают, что судьба у него очень сложная, что отца его, секретаря горкома, расстреляли ни за что в Свердловске, что сам Окуджавин участвовал в войне с печатью «сына врага народа». И сложен он, и противоречив, и успеху его у молодежи может позавидовать Евтушенко и т. д.

До свиданья, дружочек. Не скучай очень. Целую крепко – Ира.

15.04.63. От мужа.

Иришка, милая, здравствуй.

Мне не понравилось твое письмо. Оно скучное и пасмурное. Что за настроение, и какое ты имеешь право вешать

нос? Не смей! Как говорится: «Нос морковкой! Так держать».

Милочка, сама посуди – разве что изменялось у людей, которые плакали и хныкали над своей неудачной почему-то жизнью. Ведь ничто ее не изменит, кроме того, что ты сама внесешь в нее. А если почему-то пасмурно, то разве у тебя мало работы? Иринушка, неужели ты думаешь, что мне сладко без тебя? Напишу фразу отчета, выйду в коридор, снова войду – все один.

Сегодня суббота. Мы с Бобом весь вечер говорили о нашей жизни, о тебе.

(Боб – тоже преподаватель Политехнического, приехал из Москвы по направлению, жили все рядом, в общежитии для преподавателей). Боб сказал, что он впервые встретил таких хороших людей. Да, тебе нельзя расстраиваться. Иринушка, я бы хотел, чтобы ты начала сдавать и к моему приезду была бы без хвостов, чтобы не отнимать у нас с тобой «драгоценного» времени. Дорогушенька моя, давай работать. Я так очень много работаю, почти весь день. Сейчас пишем отчет по «научной» работе, философия, лекции (мне дали группу подшефную – такая свора). Правда, очень даже активные девочки, но парни – такие пизоны, мне с ними придется повозиться. Решил с ними вести научную работу в институтской лаборатории. Кроме того, я взялся читать теплотехнику в Школе механиков флота, так что мы, милочка, как-нибудь сплаваем бесплатно в Комсо-

мольск – или куда – в кочегарке. Видишь, какой у тебя заботливый супруг и как тебя любит.

С аспирантурой еще ничего неизвестно, так как шеф этой-то «темнит». Но будем надеяться. Если меня задумают посылать, то я сдаю в начале мая философию, а до 5 июля – вступительный по немецкому. Но еще не прояснилось. Тогда мы с тобой летом пошляемся втроем, возьмемся за руки... Так что ты должна думать о себе посерьезнее, чем до сих пор.

Я же очень соскучился. Жду случая, чтобы начать делать фотки, где бы тебя, глазастую, увидеть. Миленькая, а погода у нас летняя, солнце и теплый ветер. Девочки бегают и заигрывают, а я как с того света, ты у меня лучше.

Получил бритву. Большое спасибо. Теперь на меня можно смотреть каждый день нормально. Только мне неудобно за подарки, т. к. я ничего не могу пока выслать. Мы уже скоро все увидимся, только ты не подкачай, не огорчай маму и папу. Тебе от всех привет. Света уехала в Спасск принимать экзамены. Иринушка, а я достал «Постимпрессионистов» Д. Ревалда, могу прислать.

Если мне хочешь сделать приятное, то, пожалуйста, будь веселой, но серьезной. Глубокий поклон Науму Зиновьевичу и Анне Ивановне, я им очень обязан.

Мои старушки пишут, что снова мама куда-то упала, и у нее что-то снова болит, что ты всем понравилась в квар-

тире Лелькиной, но они все еще беспокоятся, как ты доехала.

Ну вот и все. До свидания, моя милая любимая жена. Скусаю и целую – Я.

22 апреля. От жены.

Юрушка, милый, если бы ты знал, под какой аккомпанемент я занимаюсь. Сижусь в библиотеке, а твой бэби толкается и вообще дает о себе знать. Вот и попробуй не отвлекаться. Кругом все такие серьезные, а мне смешно и посмеяться не с кем, тебя-то нет.

Готовлю первую половину 19 века Павловскому к 1 мая. Он вернулся со съезда воодушевленный, как всегда. Разговаривал там с Ильичевым и изложил ему причины, по которым он не хочет в Москву. Его оставили в покое и присвоили звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Мы все его очень любим, и он нас, кажется, тоже. Нахвалил Ревалда, я просмотрела его, так что ты не высылай. Пусть будет в Хабаровске, в знак моего возвращения туда.

Ты у меня страшно мил, купил такую книжку. Может быть, тебе нужно что-нибудь по автомобилям? Хочешь – пришлю, теплотехник ты мой. Ну дунь на меня теплом, чтобы я почувствовала.

Юронька, я у тебя еще совсем не страшная, и ты не представляй меня в ужасных красках и... формах.

У вас ведь тепло. В чем ты ходишь? Юрочка, нужно твой плащ отдать в чистку...

Мне-то сейчас хорошо. И совсем-совсем не тошнит. Просто чудо. Нужно заниматься. Пока, милый мой, роднуша. Целую тебя нежно-пренежно. Ира.

23.04.63.

Юра, сегодня вторник, а от тебя ничего нет. Нужно же меня поддерживать в моих занятиях, дорогой.

Вчера вечером Павловский преподнес великолепную лекцию по Сурикову, именно доказал его величие среди всех исторических живописцев Европы. Не лекция, а сплошное философское исследование эстетики художника. Просто аплодировать хотелось.

Пиши мне, родной, скорей. И.

27.04.63.

Юрушка, дорогой. Сегодня получили твою посылку. От всех тебе большое спасибо. Только совершенно напрасно ты теряешь на все это время, если у тебя его нет. Написал бы лучшее письмо, мне это гораздо нужнее, чем рыба.

Поздравляю всех с праздником. Вы там, конечно, будете пить, а я здесь не буду. Повеселитесь и за меня.

Ваша Ира.

Р.С. Я занимаюсь. Сдала зачет по французскому. На днях сдаю русское искусство 19 века.

24.06.63.

Юрушка, я умираю от этой жары. У нас температура выше 30 градусов. Скорей приезжай, и мы с тобой умчимся куда-нибудь в лес. Если ты задержишься еще немножко, я не переживу, ты не заставишь меня в живых.

Мне очень тяжело в последнее время, от экзаменов, которые сдавать нет сил, от этого постоянного нервного напряжения, от отсутствия тебя, от физической тяжести, от жары, от предстоящей полной неизвестности, сулящей мне мало хорошего.

Юрочка, перед отъездом ничего не стирай, ничего не покупай. Обязательно дай телеграмму. Может, я и не смогу встретить, но все равно буду ждать и знать.

Больше писать не буду, буду только ждать.

Привет всем-всем, пусть заглядывают к нам в гости.

Целую тебя крепко. Ты должен приехать с хорошим настроением, чтоб моя хандра моментально исчезла.

Родился сын 23 августа 1963 года. Из роддома встретил папа – Митюшин Юрий Павлович.

6.09.63

Милый мой, сейчас 8 часов вечера. Ты улетел сегодня утром и по идее должен быть уже в Хабаровске. Как он встретил тебя, наш Хабаровск, такой далекий отсюда, что просто страшно становится за наши с тобой жизни, разделенные таким расстоянием. Юра, я плачу и ничего не могу с собой поделатъ. Ты так далеко. Сын наш близко, но он тоже плачет, и я не могу сдержаться от жалости к нему, к себе, ко всем. И тебя почему-то жалко, хоть ты и не разрешаешь мне так к тебе относиться.

Юрочка, я не могу больше так жить. Зачем ты мучаешь меня этими расстояниями, письмами. Теперь еще ребенок, с которым так трудно, и снова нет тебя. Он действительно связывает ужасно. Уже сегодня мне кажется дикой мысль о том, например, чтобы сходить в кино. Дорогой мой, я не жалуясь. Просто без тебя все это приобретает трагический оттенок. Мне бы хотелось жить полноценней, и я уверена, что это было бы лучше для нас обоих. А если один из нас будет приносить жертвы для другого (может быть, жертвы – не то слово), то от этого проиграем тоже оба.

Юронька, прости меня. О жертвах ни к чему. Я заговорила. Я тебя очень, очень люблю, и тут не может быть никаких жертв.

Твоя жена – жалкая пессимистка, всегда была и осталась. Напиши мне что-нибудь бодрое.

Умоляю тебя только об одном: если там, в Хабаровске,

что-нибудь не так, приезжай немедленно сюда. Не раздумывай.

Не могу без тебя жить. Началась осень. По утрам (в 6 часов, когда я кормлю твоего парня) белый туман кажется выпавшим снегом. Как страшно думать о зиме, как не хочется ее.

Напиши, родной, как себя чувствуешь в Хабаровске, как там все. Надо бы позвонить Агнессе. Скажи ей о нашем сыне, скажи, что не пишу потому, что не знаю, что писать, потому что не принадлежу себе, потому что очень потеряна, потеряна давно и не знаю, когда выйду из этого состояния.

Единственная моя отрада – любовь – не балует меня, а приносит только, может, и благородное, но страдание, которое парализует меня во всех остальных человеческих действиях.

Схожу сегодня в университет хоть на часок вечером, может, настроение поднимется. Но это маловероятно.

Любимый, не огорчайся из-за моего письма. Напиши мне скорей обо всем.

Мы с сыном целуем тебя крепко и желаем тебе всяких удач. Только вспоминай о нас почаще.

Привет от меня твоим ребятам.

7.09.63.

Милая девочка, Иринюшка, дорогая. Как ты там, что ты там? Как парень, что с ним?

Сейчас сидим, выпили, и Тазиков исполняет свой гитарный репертуар. Все складывается вокруг меня хорошо. Обещают всех семейных выселить из общежития в новый дом. Шеф предлагает мне дополнительную работу, будет платить, так что мы с тобой заживем.

Здесь стоит жара. Агнесса говорит, что держит место для тебя, где-то, зачем-то. Иронька, высылаю тебе паспорт, чтобы зарегистрировать парня. Ты побыстрее зарегистрируй и сразу вышли ко мне. Хорошо?

Мы завтра с Эдиком пойдем в тайгу. Я начал хозяйничать, вчера варил гороховый суп, сегодня купил картошки. Только по тебе скучаю. Амур-прелесть, рыбаки, и снова очень много солнца и жары. А ночью уйма кузнечиков под окном и в траве.

Как парень и как ты с ним мучаешься? Все, милая. Пиши. Очень жду. Привет Анне Ивановне и Науму Зиновьевичу.

В сентябре мужа призвали на военную переподготовку в г. Омск, в Танковое училище. Наступило еще одно испытание для молодой семьи.

Далее – письма из Омска.

14.09.63.

Здравствуйте, моя милая семейка. Иринушка, я прочитал твое письмо. Смотрю, ты почти испугалась Хабаровска и т. д. Но, если бы ты была здесь, все выглядело бы не так грустно. Но, видно, парень наши требует многого, и я решил поехать в Свердловск. Но не тут-то было. Меня взяли в военкомате и направляют на переподготовку на три месяца (90 суток) в Омск, а оттуда дадут бумагу, что я еду в Свердловск. Вот как все вышло грустно. Сказали – служить надо, дело государственное и т. д. Получите повестку, не явитесь – согласно закону под суд. Я пробовал отлажаться, но бесполезно. Я плюнул, все же это ближе к дому... В конце концов, мы встретимся в Свердловске. Я очень хочу к вам, к тебе особенно, только к тебе.

Все собрал, т. е. запаковал в 4 чемодана и повезу с собой. Вам пошлю 2 посылки с книгами и твоим туалетом. И еще книги отправлю малой скоростью. Мелочи житейские раздарил. Оставил кучу поручений Галке и Тазикову. Он называет меня Сусаниным и т. п. Обзывает, шутя, конечно. Камеру пока не принимают в комиссионку. Но мы договорились сегодня сдать пальто осеннее. Галка сдаст в химчистку и в комиссионку, деньги направит в вуз на покрытие долгов за кредит, чтобы я был свободен после службы. Подаю заявление об уходе. Галка оббегаёт обходную и т. д. Из друзей здесь ни Коли (на путине), ни Боба. Влад с Таней живы-здоровы. Вот, собственно, все самое интересное.

Твой муж названный – (подпись)

Завтра, часа в 2 ночи, поеду.

Милая моя девочка! Иринюшка! Я один в купе, немного грустно, и я зауныло пою, что жить без любви, быть может, можно, но как на свете без тебя прожить?

Даже развеселился чуть-чуть, за окном пасмурно, сопки изжились – стали волнами небольшими. Днем было веселее, т. к. очень живописные, крутые полные леса, глубоких ущелий сопки с изредка притаившимися деревушками под черно-серыми крышами и с одним возвышающимся вызывающе зданием а-ля церковь. 6.510–5.480 км.

(Рисунок) Если бы мы жили здесь, я бы снабжал тебя медвежатиной свежей, рыбой из Шилки, грибами, ягодами, птицей. Но, видно, мы с тобой и погреем у мамы на руках. Ничего, это все ерунда, т. к. я тебя очень люблю и еду к тебе. Правда, по теории относительности, чем больше любовь и стремление, тем больше сопротивлений. Чем ближе-тем дальше. Но, думаю, это последнее, что нас с тобой мучает сильно. Я думаю, моя любовь сэкономит тебя от трудностей, думаю, что ты достойна этого, но вспоминаю, что тебе все время выпадали соленьюшкие слезы да прощанья, так даже совестно. Милая моя девочка, я прижимаю твою головку и целую в твои мокренькие глазки. Ведь ты не плачешь? Будь стойкой, только люби меня! Тогда ты будешь без морщин и сама прелесть с тонкой талией (тьфу-тьфу), рядом с обветренным и облизанным морозом советским за-

щитником моей подружки и нашего парня. Как парень, очень он тебя беспокоит, слушается ли? Скажи ему, что когда папа придет, то купит ему горшочек эмалированный с ручкой и крышкой.

Навалил на тебя забот и уехал, тоже фрукт, но ты не отчаивайся. Самое ценное, если ты будешь хорошо учиться. Когда я приеду к 20 декабря, как говорил Наум Зиновьевич, мама твоя будет сидеть дома, а мы работать. Так что тоже подыскивай пока себе работу. Я думаю, что с Хабаровском все обойдется благополучно, как мне обещали. Мне только грустно, что так долго без тебя, а я очень тебя люблю, очень. Только ты пиши мне, как получишь точный адрес.

Вагон наш замолкает, даже пьяные матросы все меньше матюкаются. Познакомился с одним дядькой лет под 40, по национальности – что-то с нижнего Амура, работал в лагерях. Все знакомое по «Ивану Денисовичу», Коле и т. д. Интересно.

Милая девочка, как мои родители и как парня зарегистрировала, получила или нет свидетельство, что у тебя «получился» брак? Напиши мне.

11. 09. 63.

Добрый день, моя милая девочка, мой парень. Пишет вам ваш папа – офицер нашей славной победоносной армии.

...Прослушал я, как вести себя, и стали меня переодевать, мыть и т. д. Отругал старший лейтенант за погоны и нелепый вид пилотки... Поселили нас в казарме с большими окнами. Я во втором отделении. Получил ХБ (хлопчатобумажные брюки и гимнастерку), погоны, сапоги, суконное одеяло, белые простыни и наволочку. Угол готов. Подшил воротничок – я солдат. Смешной только.

...Только ноет сердце, как тебя вспоминаю. Парень еще не мой, только в последний день, когда он очень плакал, мне было не по себе. Я только о тебе скучаю... Со мной только боль от этого, ты – боль моя и грусть. Но ты, пожалуйста, не обращай внимания на мое хныканье, его не перепрыгнешь, а ты лучше занимайся парнем да учись.

Сегодня первый день занятий. Забавно и все по форме. Мне пока все известно и даже больше. В нашем взводе я один с вузовским образованием, и меня облекли доверием – я писарь нашего взвода. Веду журнал и записываю всякие фамилии, такой усердный, что выскочил за ворота без пилотки и обратно пришлось нестись за ней и т. д. Говорили с генералом, грубость и упрямство получилось...

Ладно, больше писать не буду. Люблю вас. Пиши мне быстрее. Привет твоим и моим родным. Я.

14.09.1963.

Родной мой Юрушка, ну ты не отчаивайся очень. Что ка-

сается меня, то я даже успокоилась немножко. Во-первых, ты будешь всего в сутках езды от Свердловска – это очень успокаивает (вот, видишь, какая я стала рассудочная). И потом, я воспринимаю это как суровую необходимость, которая могла тебя застать и здесь. Может быть, военный быт и очень заполненные дни отвлекут тебя, может быть, там будут интересные люди, появятся знакомства, друзья.

А мы тем временем поправимся. И я, и твой сын встретим тебя здоровыми, бодрыми, взрослыми, соображающими, может быть, кое-что и любить будем в сто раз сильнее.

А сейчас наш Игоречек, по словам моей мамы, «такой маленький, а жить никому не дает». Ночи напролет мы с мамой его убаюкаем, уговариваем пощадить нас, меняем ему пеленки, грелки, соски, поим его, моем, под утро передаем его моему папе и ложимся спать. Папа прижимает его к своему животу (женской грудью твоего сына уже не соблазнишь) и напевает ему что-то как мужчина мужчине. Наконец, наш Боженька засыпает то ли от послушания, то ли от собственной усталости.

Все разговоры в доме сводятся к одному: покакал он или еще нет. От этого зависит покой всех. Моя мама щадит по возможности меня по ночам, т. к. очень любит своего внука, но втихомолку не перестает мечтать о том, когда она наконец сможет приготовить вкусный суп с помидоркой.

Так мы и живем, хоть в университете все страшно вос-

хитились мной (главным образом тем, как я успела все так быстро), много поздравляли и вчера преподнесли цветы. Я уж молчу о своих трудностях, чтобы не снизить героического накала.

15.09.63. От жены

Получила свидетельство. Трогательно, конечно. Но сына твоего еще некогда зарегистрировать. Папа мой тоже очень привязался к нему и купил внуку фешенебельную коляску, состоящую из двух – зимней и летней. Но Игорек и тут не оценил. Теперь мы воображаем во дворе со своей голубой машиной и продолжаем позорно реветь.

Мне пришло в голову занять очередь в ясли. Завтра же пойду, все разузнаю. Что сделать для тебя, дружочек? Выслать ли тебе фотоаппарат? Бритву? Какая там у вас жизнь? Бывают ли свободные дни?

22 сентября.

Родной мой ненаглядный муж, вот тебе мои успехи:

Зарегистрировала вчера сына. Нарекли его Митюшиным Игорем, внесли в мой паспорт, внесут и в твой.

Побывала один раз в Белинке (в публичной библиотеке), замечательно позанималась четыре часа на свежую-пре-свежую от наук голову.

Хотела еще один вечерок позаниматься, да соблазнилась кинофильмом «Я буду танцевать» о Махмуде Эсамбаеве. Жаль только, что смотрела одна, переполненная чувствами. Посмотрел бы ты этот фильм.

В университете все по-прежнему хорошо и по-прежнему хочется учиться. Агнессе я писала и получила от нее письмо, которым она меня свела с ума. Посылаю тебе его без комментариев.

(Письмо было с приглашением приехать работать в Хабаровск в Художественном Фонде, специально держали место.)

Еще Вера Витязева мне написала из Ленинграда. Она там учится, но все пришлось начать с начала. И снова меня потянуло к культуре, к искусству, к цивилизации. Я у тебя ужасно шатающийся элемент. Верно, от глупости. Будь хоть ты у меня столбиком, опорой.

Всегда любила осени. А нынче тяжело. Очень темные, дождливые вечера без тебя. Когда бываю в университете, отвлекаюсь ненадолго от своей семьи – сына. Но жалко маму. Она устает на работе, да еще вечером без меня ей здорово достается. Мальчик нервный и беспокойный. У него еще, кажется, грыжа пупочная – это очень болезненно для него.

Сегодня приехала твоя мама. И сразу зацеловала внука. Я запрещаю, она не слушается. Колдовала, заговаривала его

грыжу.

Внешне она выглядит очень бодро, как всегда. Побудет только неделку, т. к. ей там, конечно, нужно капушту солить. У Лели нога распухла, она не приехала (Леля-тетя, вторая мама Юрия, своей семьи у нее не было).

Юрушка мой, ты напиши на Хабаровск, 35, чтобы тебе выслали оттуда твою корреспонденцию. Там лежит мое письмо и телеграфный перевод твоей мамы – 10 рублей.

Любимый, мне ведь без тебя очень тяжело и физически, и морально.

В адрес парня все еще поступают подарки в виде всяких ползунков и нагрудничков. Герман взял пленку. Напиши мне, родной, обо всем. Идет дождь. Люблю тебя очень. Но во сне мне снится крик – Игорев клич. Твоя Ира.

Очень, очень жду твоих писем. И тоскую очень. И.

P.S.

Юронька, вот я и пришла немного в себя от письма Агнессы.

Очень ли тебя огорчает наша будущая жизнь в Свердловске? Не будем огорчаться, нам здесь не будет плохо. И это не навсегда. Ведь я не домосед. В прошлом году я мечтала не только о Хабаровске, мечтала о Камчатке, о многом. У нас с тобой еще много впереди. Будет только интересней и более зрело. Наш сын подрастет здесь, я кончу учебу, что-нибудь сделаешь ты, а потом перед нами все. Главное, когда

мы вместе, для нас все хорошо. Мы еще поездим, побродим – посмотрим мир. И сын у нас будет расти, свой, собственный.

Уже ночь. Купали мальчика. На кухне. Твоей маме все не так. Завтра буду их всех фотографировать. Еще не пробовала без тебя... Спокойно ночи, любимый мой. Целую – Ира.

23.09.63. От мужа.

Миленькая моя! Моя хорошенькая толстушечка! Я еще от тебя не получил ни одного письма, а так хочу тебя почувствовать. Пристаю к прохожим со своими горестями и начинаю немного о тебе рассказывать: какая ты у меня бываешь умная и хорошая, даже на душе светлей.

Я сдружился с капитаном, начальником взвода, который уже прошел войну и много шляется по жизни. Он из Душанбе. Огромный лоб с лысиной на макушке и нос горбинкой. Умный и развитый дядька. Сегодня мы с ним гуляли по городу. Наше училище почти в центре. Город приличный, с центральными широкими улицами, большими домами, и очень много зелени кругом, парковые лужайки, где сходятся улицы, с фонтанами, очень хороший город. Старые улицы до-революционной застройки, небольшие изящные домики, как в Свердловске. На улицелюдно и шумно, и не мог я, конечно, не встретить знакомых. Встретил Славика Савчица, Вовки моего из Златоуста брата, который там рядом что-

то монтирует. Вот смех! Договорились встретиться в ту субботу, т. к. меня только в субботу и в воскресенье отпускают.

Вчера до вечера ходил по городу и все, как выпущенный из застенка, смотрел на разноцветных людей. Но больше всех я люблю тебя. Я пошел читать. Иринюшка, у меня к тебе просьба, пожалуйста, относись с уважением к мужу (Ефремов «Лезвие бритвы», «Нева», № 6,7,8... Вчера вечером два раза смотрел «Я буду танцевать», а сегодня умудрился – «Иоланту» в нашем клубе).

Сегодня ходили с Георгием Марковичем по Омску, знакомились еще, были на Иртыше. Погода здесь отличная, по Иртышу у пляжа юлят взад и вперед парусники... А сейчас я сижу перед зеркалом и люблюсь своей физиономией в погонах и очках, с залысинами, и грущу тобой, милая моя эсэнушка. Вотю: пиши мне. 2 часа, 10 мин. 23.9.63

Милая Иринюшка! Сейчас все спят. Я дневальный. Уже около 2-х ночи. Я один бодрствую, и ты со мной, и никто не мешает мне быть с тобой, моей любимой девочкой.! Целую!

25.09.63.

Милая моя девочка, голубушка моя. Как я тебя люблю. Видишь, я научился писать и писать про любовь, хотя это мне не привычно, но как-то не могу удержаться. У нас много старичков, и они как-то тихо, скромно относятся к сво-

им женам. Молодые украдкой пишут и меньше говорят. Я, как только освобождаюсь, сразу о тебе вспоминаю, и хочется тебе написать и поговорить. Я лежу обычно после обеда на койке, а в окно видно пасмурное небо и деревья какие-то длинные и тонкие с холодными серыми листьями. Окна большие, узкие и высокие. И я вспоминаю тебя. Над нашей казармой взлетная трасса, и когда очень сильно ударит звук реактивных, я вспоминаю тебя почему-то... А когда я занят, т. е. учимся, не успеваю думать ни о тебе, ни об осени. Это даже здорово, что не все время мучаюсь тобой. Это не только солдатская скука на чужбине, как обычно бывает, это больше. Я ни о ком не вспоминаю с болью, как-то так, что самого немного жалко. Я бы больше написал про грусть, но ты у меня дурная, скуксишься и будет тебе плохо. Ладно, так переживу.

У нас здесь так, что я ожидал худшего. Одели в ХБ и дали теплое нижнее белье, которое лежит у меня под подушкой, т. к. мне жарко в нем. Кормят три раза и очень отменно. Сегодня и каждый раз: в 7–30 каша, масла гр.50, чай, сельдь, 2–30 – суп, каша, компот, в 7–30 веч. – каша, рыба, чай. Я объедаюсь, давно так не ел, разве только у вас да дома. На субботу и воскресенье уже получил увольнительную, схожу – проверю, как мои чемоданы (4) лежат на вокзале в камере, поброжу по городу, посмотрю Омск. Времени у нас свободного достаточно, так что я даже кое-что читаю, бреюсь и вообще – положительный. Только вечером смотрю

на тебя и скучаю. У нас радуются, что осталось меньше 90 суток. В казарме у нас чисто, есть даже телевизор, много книг и картежников. Жизнь эта очень нормальная была бы для учебы, если бы еще тебя ко мне. Меня даже радует, когда по асфальту дробный, мощный шаг колонны, и меня даже не возмущают брюки (вид сзади), которые почему-то раньше напоминали лошадей.

Иринушка моя, письма тебе, наверное, не нравятся, так как они сухи и без юмора. Но что-то юмору нету и время берегу для книг. А тебе хочу все написать, чтобы ты чувствовала все вокруг меня, и какие люди... Ты бы поудивлялась, поисправляла полковников, которые смешно выражаются и смешно говорят. Другие спрашивают примитивно и строго, от и до. А есть серьезный один такой, и весь движение, и темперамент, увлекается... дорого ему стоят лекции, но так как он серьезный и член партии, и сознательно настаивает на всех армейских шутках, то это даже хорошо. Наш шеф очень даже служивый, но хитрый и – буфер между нами и всем остальным миром, и очень даже считается с нами, т. к. мы – офицеры. И обращается с нами зачастую не «встать, смирно!», а «товарищи офицеры!» Вот.

А я тебя люблю, и ты мне поэтому дорога, и ужасаюсь, если вдруг война или что-нибудь... Ведь это не имеет права, т. к. нечестно, нельзя так, т. к. ты – самая вещная ценность, и нельзя отнимать молоко у грудного...

А как мой ребенок, что он говорит, ходит ли на горшок,

и что с ним делали мои бабушки, мамы? Когда наконец ты мне напишешь? Как не стыдно? Пиши мне чаще. Напиши про моих. Что они думают, как живы? Как Анна Ивановна и Наум Зиновьевич, как они ругаются и что говорят про твоего мужа? Вот. Все. 1000 раз целую тебя, моя милая. Я.

29.09. 63. От мужа.

Моему парню уже целый месяц! Интересно и любопытно, как он ведет себя и какие качества выработала моя милая жена. Надо много такта между сознанием ответственности перед Человеком и инстинктом материнства, любовью к парню и стремлением защитить, и необходимостью приводить в соответствие с требованием общественной жизни, в которой ему придется жить и проклинать своих родителей или благодарить их.

Но ведь ты у меня способная и умная девочка, и я тебя люблю, и парень тоже должен тебя любить и слушаться. Кроме того, он должен впитывать с молоком твоим лекции Павловского и любить музыку. Ему уже надо давать сеансы музыки – как ты думаешь? Как все молодые родители я бы хотел, чтобы наш парень был умнее и способнее всех. Но ум даже, уж про способности не говорю, делают! Тренируют! Если мы знаем, но уже ленивые и старые, то потребовать-то легче. Но это все ерунда, т. к. я-то тебя люблю, и поэтому можно тебе все оставить до моего приезда. Ты

бы главное – училась у меня, т. к. ты еще глупенькая, и я вынужден тебя еще больше любить в потенциале, когда ты разовьешь свои внутренние способности. Есть у тебя такие? И я буду целовать в каждую такую способность, т. к. они будут большие.

Напиши про свои дела и как ты отдыхаешь? Иринушка, что нового у вас, что мои родные, что твои? Я же ем до невозможности, а дальше утром делаем зарядку, и приеду к тебе закаленным и сильным. Научился ходить в строю, и вообще становлюсь умным, т. к. мы каждый день учимся по 6 часов.

Иринушка, я очень соскучился по тебе. Ничего, осталось меньше, чем 12 недель. На октябрьские праздники я дневалю с 6 на 7 ноября.

Наконец я получил твое письмо, но на мой-то крик это отписка. Где ты, милая? С парнем ты или еще где? 4 дня после я не мог закончить это письмо, да и сейчас не могу, поэтому пока. Я.

2.10.63.

Юрушка, родной ты мой, ну что же ты? Обиделся ты на меня, что ли? Но это же ужасная несправедливость. За что? За то, что я день и ночь не отхожу от твоего сына, за то, что у меня к нему больше жалости, чем к тебе, за то, что он мне снится, а не ты? Он и сейчас у меня на руках,

и мы с ним плачем вместе. А у меня часто-часто бывает настроение покинутой жены с младенцем на руках. Наверное, если бы было так, у меня было бы хоть мужество, а сейчас и его нет.

Очень плохо без тебя. Юрочка, только ты не расстраивай меня, не доводи до слез. Совсем немного надо поvollноваться, чтобы исчезло молоко. А без него нашему мальчику гибель. Когда была твоя мама, она так расстроила меня этой грыжей, что моментально уменьшилось количество молока, и мальчик стал голодать. Сейчас как будто наладилось.

Интересно, что ты думаешь, где я могу быть, если не «с парнем», как ты выражаешься? Страшно любопытно знать, что у тебя в голове. А ведь сегодня (именно сегодня!) я вдруг подумала о том, что, несмотря на все, мы с тобой еще очень плохо друг друга знаем. И действительно. Разве могла я ожидать, что так будет воспринято мое письмо. И ты мне не веришь, хоть и не имеешь права не верить.

Конечно, если бы ты был здесь, я бы не относилась так болезненно – почти до трагедии – к своему сыну. Все было бы нормально и спокойно.

Твоя мама была у нас недолго. Конечно, нянчиться ей с таким маленьким трудно. Я, молодая, не успеваю, плачу и расстраиваюсь, а она и вовсе. Так расстроилась, что с сердцем стало плохо. Да еще и не понимает меня также, как и ты. Я ей не даю мыть пол, стирать, а она – «не доверяешь»,

вполне серьезно. Да еще из-за этой грыжи. Я уже прочитала о ней все, что могла, и поэтому тебе объясню. Пупочная грыжа – это слабость мышц брюшной стенки, т. к. они не упруги, то не могут сдерживать внутренности живота, которые выпадают в пупочное отверстие между мышцами и образуют небольшую выпуклость. Для ребенка это бывает болезненно, бывает, что и нет. Грыжа у людей врожденная. Взрослые люди укрепляют свои мышцы, и предрасположение к грыже исчезает. А у грудных детей профилактика совсем простая: вправить пупочек и образовавшуюся складочку кожи заклеить пластырем. Пластырь играет роль сдерживающей мышцы. Когда у ребенка образуется слой подкожного жира, грыжа исчезает сама.

Твоя мама считает, что это ужасная болезнь, которую нужно лечить приемом внутрь всякой серы, скипидара и проч. Я, конечно, не разрешила, она, конечно, обиделась. Что я за мать? Так у нас возник небольшой конфликт, который мы потом уладили.

Твоего приезда все очень ждуют. И я особенно. Когда была твоя мама, я могла хоть выйти из дома днем. Теперь я снова одна целыми днями, и нет просвета.

Посылаю тебе письмо Боба. Я никому не пишу. Что это они там все? И так ребенок мне все перевернул в жизни и в мечтах, да они еще пуще расстраивают. Куда же я дену свое дите, если оно мое и если я уже раба своих чувств, если от меня зависит вся его будущая жизнь, фундамент ко-

торой становится сегодня. Ему очень много нужно сейчас, чтобы быть здоровым, чтобы иметь нормальную нервную систему.

За месяц он у нас поправился на 730 гр., сейчас весит 4100, умеет очень хорошо улыбаться («ангелы смешат» – говорит твоя мама) и уже говорит «гы».

Час ночи. Сына все еще не можем усыпить.

Юрушка, дорогой, а у нас стоит золотая осень с голубыми туманами, особенно густыми на болоте, за нашим домом. И ночь белая от луны. Пол в комнате в лунных холодных бликах. Какая у вас разница с нашим временем? Я хочу знать, что делаешь сейчас ты. А, может быть, ты вовсе не из-за меня не мог дописать письмо, а по какой-нибудь другой причине. Ведь я же тебя очень люблю. И все для тебя. Как же ты можешь в чем-нибудь сомневаться?

Пока я одна несу наше бремя. Не знаю, кому из нас сейчас трудней, но мне нелегко.

Юрушка, будут ли у вас какие-нибудь учения практические? Ты, наверное, будешь подвергаться опасности? Напиши мне об этом. Напиши, родной, напиши. Неужели ты сердисься. Я всегда, всегда с тобой. Целую тебя очень крепко. Твоя Ирина.

Милый, тебе нужно про любовь. Я тебя люблю по-прежнему, очень, иначе и быть не может. Только теперь моя любовь стала спокойней, сдержанней, потому что я стала матерью. Ты пишешь, что еще не ощущаешь сына, у тебя его

*еще нет. А у меня он не только есть, больше, просто нет
меня без него. И если ты не чувствуешь его, то ты и не чув-
ствуешь меня, такую, какая я сейчас.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.